

²² ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 1574. Л. 16-17.

²³ ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 32. Д. 112. Л. 62-63.

²⁴ Безнин М.А. Колхозный двор в Российском Нечерноземье: 1950-1965гг.: дис...док-ра ист. наук: 07.00.02. М., 1991. С. 137.

²⁵ Безнин М.А. Колхозный двор в Российском Нечерноземье: 1950-1965гг.: дис...док-ра ист. наук: 07.00.02. М., 1991. С. 299.

²⁶ Куштеров Р.М. Аграрная политика Советского государства: 1917-1991 гг.: на материалах Северо-Кавказского региона: дис... док.-ра ист. наук: 07.00.02. Ставрополь, 1997. С. 189.

²⁷ Денисов Ю.П. Неоднозначность (Н.С. Хрущев и сельское хозяйство: штрихи к политическому портрету)/ Ю.П. Денисов// Сельская новь. 1989. № 1. С. 23.

Горбачев О.В.

Брянский государственный университет

УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ НА СЕЛЕ И СЕЛЬСКАЯ МИГРАЦИЯ В ГОРОДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – 1980-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ)

Неразвитость сельской социально-бытовой инфраструктуры принято воспринимать в качестве одной из важнейших побудительных причин оттока населения советской деревни в города, и образовательные учреждения вряд ли были здесь исключением. В то же время необходимо учитывать, что распространение учреждений образования и здравоохранения на селе имело некоторую специфику. В социально-бытовую сферу входят предприятия, предоставляющие платные и бесплатные услуги. При этом сеть бесплатных учреждений на селе (школ, больниц, фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП)), в отличие от платных, относительно стабильна и отличается жесткой территориальной организацией. Если говорить об учреждениях образования, то наибольшей стабильностью отличается школьная сеть, а система детских садов и яслей (как правило, сезонных) – существенно меньшей.

Влияние состояния сельской образовательной инфраструктуры на миграцию в города рассматривается на примере Центрального Нечерноземья – региона, активно терявшего сельское население в послевоенные десятилетия.

Характеризуя сферу дошкольного образования, отметим, что проблема сезонных детсадов и яслей наибольшую остроту имела до середины 60-х гг., т.е. до распространения на село городской системы оплаты труда. Это значит, что внимание к проблеме сезонных детских учреждений проявлялось лишь постольку, поскольку их отсутствие влияло на производительность труда в общественном секторе. Имеющиеся данные заставляют предположить, что решить ее в условиях большинства колхозов (да и совхозов) Центра было невозможно. Например, в 1948 г. сезонные ясли в селе Владимирской области принимали чуть более 9 тыс. детей, в то время как общее количество детей ясельного возраста составляло около 26 тыс.¹ Среди не выработавших ни одного трудодня колхозниц Московской области в 1954 г. основной причиной невыработки (48,1% случаев) был уход за детьми дошкольного возраста. Из 22 обследованных колхозов только в двух создавались сезонные детские ясли². Такое же соотношение отмечено в Рязанской области, причем было подсчитано, что по причине отсутствия яслей не работали примерно четыре колхозницы на колхоз³. С течением времени ситуация становилась даже более острой. Число дней, отработанных колхозницами области, снизилось со 115 в 1953 г. до 97 в 1955 г.⁴ При численности детей колхозников Костромской области в возрасте до трех лет 13 тыс. чел., а в возрасте от четырех до семи лет – 16 тыс. чел. количество мест в сезонных детских учреждениях составляло: в 1960 г. – 2147, в 1961 г. – 1528, в 1962 г. – 894, в 1963 г. – 606. Проблему не удалось бы решить даже в том случае, если бы удалось выполнить план развертывания сети сезонных детских учреждений в области, так как он рассчитывался лишь на 3–4 тыс. чел.⁵

На одно место в сельских детских учреждениях Смоленской области в 1964 г. претендовало 11 детей дошкольного возраста⁶. В 1965 г. недостаток мест в детских учреждениях составлял по области 17:1, в детсадах 11:1, но при этом 300 мест вследствие большого числа мелких сельских населенных пунктов было недоиспользовано⁷. Исследователи отмечали, что разница между городом и деревней в получении мест в детских дошкольных учреждениях была особенно велика⁸. В той же Смоленской области сетью городских дошкольных учреждений в 1967 г. было охвачено 65% детей, а в селе – только 13%⁹.

Начиная с середины 60-х гг. упоминания о дошкольных учреждениях в архивных материалах встречаются реже, и не в отчетах о состоянии сельских трудовых ресурсов, как прежде, а в жалобах жителей села. Яслей и детсадов не стало намного больше, но невыходы на

работу по причине ухода за детьми в условиях централизованного государственного финансирования отражались теперь не столько на хозяйстве в целом, сколько на отдельном работнике. «Я не работаю в совхозе, некуда деть маленького Вову – нет ни яслей, ни сада. За то, что я не работаю, исключают из совхоза. Другой работы нет, кроме как в поле» (Щекинский район Тульской области, 1969)¹⁰. «Посылают работать в бригаду, а в бригаде... летом уезжают километра за три. Куда же я могу деть ребенка? Оставляла 8-месячного на девятилетнюю дочь. Не работаю, не добилась никакого толку, а ведь у меня трое детей» (Свердловский район Орловской области, 1969)¹¹. «Полеводов принуждают работать на ферме. Не с кем детей оставить, на ферму нужно уходить очень рано и поздно возвращаться после вечерней дойки. Ясли у нас... до 5 часов дня... Кроме совхоза, у нас негде работать, значит меня, мать двоих детей, лишают куска хлеба. В отделении таких матерей много» (Луховицкий район Московской области, 1969)¹². Многодетная мать из Хвостовичского района Калужской области жаловалась, что не получала отпуска, так как не выработала минимума по причине отсутствия детсада (1975)¹³ и т.п. Тема детсадов и яслей была одной из главных в женских письмах в редакцию «Сельской жизни» в 1977 г.¹⁴

Обеспеченность села Центрального района детскими дошкольными учреждениями постепенно росла, но происходило это довольно медленно. Если в 1965 г. она составляла 10% от потребности, то в 1979 г. – 15%¹⁵.

По содержанию жалоб сельских жителей можно сделать вывод о некотором преимуществе Подмосковья в сравнении с другими регионами. «Закрыли новый деткомбинат, а новый не открыли» (Серпуховской район Московской области, 1969)¹⁶. Т.е. деткомбинат хотя бы существовал в природе; колхозники же, скажем, Костромской или Смоленской областей даже слова такого могли не знать. В принципе же распространенность сети дошкольных учреждений довольно сильно зависела от степени индустриальной насыщенности территории. Так, в Центральном Нечерноземье более высокий уровень их развития в середине 1970-х гг. наблюдался во Владимирской, Ивановской, Московской и Ярославской областях, а в Брянской, Орловской, Рязанской и Смоленской областях он был наиболее низким¹⁷. В этих регионах плотность дошкольных учреждений составляла лишь 25–30% к городскому уровню¹⁸.

Подводя итог, заметим, что проблема детских дошкольных учреждений на селе стояла чрезвычайно остро в течение всего перио-

да 1940-х – 1980-х гг. В первые послевоенные десятилетия их недостаток заметно отражался на экономических показателях отдельных хозяйств. Хозяйственные реформы 1965 г. превратили проблему из экономической в чисто социальную. Общественный сектор сельскохозяйственного производства со временем смог себе позволить почти не замечать более низкой занятости женщин, сидевших дома по причине отсутствия дошкольных учреждений на селе. В то же время и в колхозах, и в совхозах женщины по-прежнему оставались в чрезвычайно стесненном положении, поскольку в сельских условиях в большинстве случаев не имели возможности подобрать себе место работы с удобным распорядком трудового дня. Представляется, что отсутствие детских дошкольных учреждений серьезно стимулировало женскую миграцию в города.

Значимость состояния сельского школьного образования как миграционного фактора была неодинаковой в разные десятилетия, и по этому признаку более или менее четко можно выделить два периода его развития. В течение примерно первых двадцати послевоенных лет система сельского школьного образования фигурирует в архивных материалах лишь эпизодически. Как представляется, тому было две причины. Во-первых, школьное образование в очень малой степени было связано с первоочередными задачами экономической модернизации села. Во-вторых, небольшие послевоенные колхозы, часто состоявшие из одного-двух населенных пунктов, позволяли поддерживать и достаточно густую школьную сеть.

В 1950-е – первой половине 1960-е гг., с одной стороны, постепенно повышалась значимость образования в представлении сельских жителей. Довольно актуальным в этой связи выглядит следующее высказывание: «Ввести бесплатное и обязательное обучение – полдела, пока крестьянин считает школу обузой, отвлекающей его детей от необходимости семейного труда... Лишь когда школа дает крестьянским детям... возможность выбора новых для деревни занятий, открывает им дорогу к повышению социального статуса, она укореняется в деревенской жизни и становится полноценным фактором прогресса»¹⁹.

С другой стороны, постепенное обезлюдение села и закрытие малокомплектных учебных заведений начало создавать проблемы с транспортной доступностью школ для жителей отдаленных сел. Как видим, эти процессы оказывались заметны уже в первой половине 50-х гг. (данные по Калужской области) (Табл. 1)²⁰.

Год	% охвата детей школой	
	мальчики	девочки
1951	95,6	95,0
1954	93,9	94,7
1956	92,5	93,5

Примерно с середины 60-х гг. жители села начинают проявлять активную обеспокоенность недоступностью школ. «Детей не везут в школу» (Сасовский район Рязанской области, 1966)²¹. «Если хочешь учиться, то иди за 14 км, нет – сиди дома» (Верховский район Орловской области, 1966 г.)²². «Наши ученики с 4 по 8 класс ходят пешком в зимний период 5 км по бездорожью» (дер. Александровка Рязанского района Рязанской области, 1969)²³. «До школы 10 км, ходим пешком. Спать ложимся в 11, а в 6 встаем» (Касимовский район Рязанской области, 1969)²⁴. По этой же причине «дети часто болеют, пропускают занятия, о хорошей успеваемости и речи нет» (Шумяцкий район Смоленской области, 1969)²⁵ и т.п. Были жалобы на плохие условия для учебы, холод в школьных зданиях (Калужская и Смоленская области, 1966)²⁶.

Довольно показательно, что количество мест в сельских школах в расчете на 100 учащихся было даже больше, чем в городе. По состоянию на 1975–1976 учебный год в Брянской, Орловской и Рязанской областях на 75 городских мест приходилось 92,5 сельских. О неблагополучии же системы сельского образования говорили то, что в этих областях гуще, чем в среднем по РСФСР, была сеть мелких школ²⁷. Для сельских школ был характерен очень большой радиус обслуживания, что обоснованно интерпретируется в качестве одной из причин миграционного оттока. Например, было замечено, что численность сельского населения в деревнях Ярославской области, расположенных в 2 км от начальной школы, за 1959–1970 гг. снизилась на 21,5%, а в сельских населенных пунктах, расположенных в 5 км от школы — на 46,3%²⁸. Отсутствие хорошей школы называлось, например, в числе одного из основных миграционных факторов в письме из Милославского района Рязанской области (1976), где «в совхозе “Большевик” за 20 лет из 500 хозяйств осталось 170»²⁹. Не преуменьшая значимости фактора школьной удаленности для миграции, отметим,

что в условиях мелкоселенности школы, как правило, размещались на центральных усадьбах хозяйств, либо в средних и крупных селах; миграционный же отток из населенных пунктов, удаленных от местных центров, как отмечалось выше, происходил быстрее в силу целого комплекса причин.

Наиболее массово закрытие малокомплектных школ происходило в течение 1970-х гг. (легко предположить, что это происходило в русле политики сселения «неперспективных» деревень). Например, в Калининской области с 1970 по 1982 гг. было закрыто 40 школ³⁰. В качестве альтернативы рассматривалась перспектива «интернализации» сельского образования. Однако родители не хотели отдавать детей в интернаты и после закрытия «своей» школы готовились к переезду в города. Даже в случае формирования благоприятного общественного мнения распространение интернатов не способствовало бы решению проблемы: сельские школьники в интернатских условиях отрывались от семьи и сельскохозяйственного труда и были готовы ехать в город. Поэтому, начиная с середины 80-х гг., довольно последовательно стала проводиться политика сохранения мельчайших школ на местах³¹.

Вот как менялась «школьная» динамика в Калининской области. В конце 1960-х гг. одна школа приходилась на пять деревень и сел, а в конце 1970-х — на четыре; одна восьмилетняя школа в 60-е гг. приходилась на 19 сельских населенных пунктов, в 70-е — на 17³². Разумеется, одним из главных факторов улучшения положения было сокращение числа малых деревень, но не только. Тот же источник сообщает, что в 1959 г. на район в среднем приходилась 21 школа, а в 1982 — 32 (в Подмосковье соответственно 14 и 23). То, что некоторое увеличение количества сельских школ являлось частью политики сохранения мельчайших поселений, наметившейся в 80-е гг., убеждают следующие цифры. К началу 80-х гг. Московская область использовала 78% мест в школах, а Калининская — только 32%. В начальных школах Калининской области приходилось от 2 до 12 человек на школу, в Московской — от 5 до 34³³. Т.е., одновременного роста числа мест в сельских школах не происходило.

Сравнение плотности размещения школ с другими элементами сельской инфраструктуры по состоянию на конец 1980-х гг. позволяет заключить, что сельские учреждения образования в процессе измельчания поселений оказывались наиболее уязвимыми. Самыми неблагополучными с точки зрения доступности школьного образо-

вания были населенные пункты с числом жителей до 25 чел. и от 26 до 100 чел. (Табл. 2)³⁴. С учетом осознанной большинством сельского населения важности получения образования отсутствие школы в пределах транспортной доступности было мощным миграционным фактором.

Таблица 2.

Обеспеченность сельского населения Рязанской области основными учреждениями социальной сферы в местах жительства (в % от общей численности населения) (1989 г.)

	Всего в регионе	В том числе в населенных пунктах, число жителей которых составляет, чел.				
		1-25	26-100	101-500	501-1000	Более 1000
Школы (включая начальные)	73,5	4,4	14,3	54,8	85,3	92,6
Лечебные учреждения (включая ФАП)	86,0	27,8	51,9	83,0	95,6	96,4
Отделения связи	70,6	15,0	30,5	46,8	78,6	85,2

В середине 1970-х гг., в связи с началом выдачи паспортов колхозникам, обнаружилось еще одно обстоятельство в сфере сельского школьного образования, которое могло подтолкнуть к выбору в пользу городской школы. Например, в 1974 г. дирекция одного из совхозов Медынского района Калужской области не отпускала выпускника, не выдавая ему паспорта, заявляя при этом: «Куда направим, туда и поедете учиться»³⁵. Этот случай не был единичным. В 1975 г. в ряде областей отмечались отказы в выдаче свидетельств о восьмилетнем образовании³⁶, что заставляет предположить существование некоей негласной установки. То, что упоминания об этих случаях содержатся только в письмах 70-х гг., не должно вводить в заблуждение. Очевидно, что ранее, в условиях беспаспортной колхозной деревни, всякие жалобы были бессмысленны; оставляя выпускника в хозяйстве, администрация колхоза не нарушала никаких правил. Именно инерция применения прежней практики после отмены ограничений на перемещение колхозников породила зафиксированные в письмах протесты со стороны выпускников сельских школ.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 3728. Оп. 3. Д. 28. Л. 26.
- ² ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 5647. Л. 93.
- ³ Там же. Д. 5644. Л. 59.
- ⁴ Там же. Д. 10311. Л. 103.
- ⁵ Там же. Оп. 32. Д. 11553. Л. 80–81.
- ⁶ Там же. Л. 135.
- ⁷ Там же. Оп. 35. Д. 3183. Л. 106.
- ⁸ Алексеев А.И., Зубаревич Н.В. Территориальная организация сферы обслуживания и образ жизни населения в сельском районе Нечерноземья // Вопросы социально-экономической географии Верхневолжья. Калинин, 1987. С. 39.
- ⁹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 36. Д. 7517. Л. 141.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 61. Л. 6.
- ¹¹ Там же. Л. 10–11.
- ¹² Там же. Л. 14.
- ¹³ Там же. Д. 197. Л. 164.
- ¹⁴ Там же. Д. 215. Л. 64.
- ¹⁵ Никитаева Е.Б. Исчезающая деревня (1960 – середина 1980-х годов) // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 455.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 61. Л. 13.
- ¹⁷ Гохберг М.Я., Соловьева Н.А. Проблемы развития и размещения производительных сил Центрального района. М., 1975. С. 66.
- ¹⁸ Производительные силы Нечерноземной зоны РСФСР: проблемы и перспективы развития агропромышленного комплекса. М., 1977. С. 232.
- ¹⁹ Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1997. № 2. С. 149.
- ²⁰ Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 3469. Оп. 1. Д. 10179. Л. 37.
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 127. Л. 87.
- ²² Там же. Л. 92.
- ²³ Там же. Д. 61. Л. 65.
- ²⁴ Там же. Л. 78.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Д. 173. Л. 38. 40.
- ²⁷ Производительные силы Нечерноземной зоны РСФСР. С. 232.
- ²⁸ Там же. С. 233.
- ²⁹ РГАСПИ. Ф. 591, Оп. 1, Д. 204, Л. 151.
- ³⁰ Алексеев А.И. Многоликая деревня (население и территория). М., 1990. С. 125.
- ³¹ Алексеев А.И., Зубаревич Н.В. Указ. соч. С. 33.
- ³² Никитаева Е.Б. Указ. соч. С. 456.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 257.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 191. Л. 18.
- ³⁶ Там же. Д. 198. Л. 50.